

³⁴ *Энтин Л. М.* ГБАО в составе Таджикской ССР // Тр. юр. ф-та ТГУ им. В. И. Ленина. Т. 5. Вып. 8. 1957. С. 31.

³⁵ Одна из последних и обстоятельных — *Назаршоев М. Н.* Исторический опыт КПСС по руководству социалистическим строительством в ГБАО Таджикской ССР. Душанбе, 1982.

³⁶ Материалы всероссийских переписей. Перепись населения в Туркестанской республике. Вып. IV. Сельское население Ферганской области по материалам переписи 1917 г. Ташкент, 1924. С. 14.

³⁷ *Магидович И.* Население Памиров // Бюл. Центр. стат. управления Туркестанской республики. Ташкент, 1922.

³⁸ *Морозов Б.* Горно-Бадахшанский вилайят. (Итоги обследования 1925 года) // Бюл. Центр. стат. управления УзССР. Самарканд, 1927. № 116. С. 3.

³⁹ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XV. Узбекская ССР. Отдел I. Народность, родной язык, возраст, грамотность. М., 1928. С. 49—53.

⁴⁰ Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г. в Узбекской ССР. Вып. II. Поселенные итоги Таджикской АССР. Самарканд, 1927. С. 26.

⁴¹ *Писарчик А. К.* Припамирские таджики // Народы Средней Азии и Казахстана. Т. 1. М., 1962. С. 659.

⁴² *Моногарова Л. Ф.* Преобразования в быту и культуре припамирских народностей. М., 1972. С. 11.

⁴³ *Моногарова Л. Ф.* Язгулемцы Западного Памира // Сов. этнография. 1949. № 3. С. 108.

⁴⁴ *Моногарова Л. Ф.* Преобразования в быту и культуре припамирских народностей; *ее же.* Эволюция национального самосознания припамирских народностей // Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. М., 1980.

⁴⁵ *Моногарова Л. Ф.* Преобразования в быту и культуре припамирских народностей. С. 13.

⁴⁶ *Зарубин И. И.* К списку памирских языков // Докл. Российской АН. Серия В. 1924. № 6.

⁴⁷ *Андреев М. С.* О таджикском языке настоящего времени. С. 57.

⁴⁸ *Лившиц В. А.* Иранские языки народов Средней Азии С. 132; *Гафуров Б. Г.* Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972. С. 373.

С. В. Чешко

НЕ ПУБЛИЦИСТИЧНО, НО И НЕ НАУЧНО

(Ответ оппоненту)

В своей статье «Не обоснованно, зато...публицистично» А. С. Давыдов предъявил мне весьма серьезные упреки в научной некомпетентности, предвзятости, дешевой публицистичности, потакании нездоровым социальным элементам. Заодно досталось и Л. Ф. Моногаровой, в работах которой автор видит идейный источник моих спекуляций. Полагаю, она сама определит, как ей реагировать на критику А. С. Давыдова, и не нуждается в моей защите, тем более что эта критика не может поколебать ее авторитета как одного из ведущих специалистов по этнографии Таджикистана.

Должен признать, что кое в чем А. С. Давыдов прав. Я и сам считаю, что моя статья «Время стирать „белые пятна“» получилась несколько публицистичной по стилю, чему есть свои объяснения. Готовилась она для широкого читателя, но редакция соответствующего массового издания похоронила ее в своем портфеле. Да и трудно остаться беспристрастным, когда приходится писать о столь болезненной проблеме.

Прав А. С. Давыдов и в том, что я не отношусь к числу специалистов по Памиру — полевых исследований там я действительно никогда не вел (как, впрочем, и сам А. С. Давыдов). И не было бы мне извинения, если бы я взялся, скажем, за описание материальной или духовной культуры народов, которых я в глаза не видел. В данном же случае речь идет о таких вещах, о которых этнограф в силу своей профессиональной подготовки должен уметь судить. Он не обязан браться за подобные темы, но бывают случаи, когда нельзя промолчать. Именно такой случай — вопрос о происхождении и этнической принадлежности припамирских народов, поскольку он уже давно приобрел не только научное, но и политическое значение. Поэтому же, а не из-за личной

обида я счел необходимым публично ответить А. С. Давыдову. Но, разумеется, я не могу отказать оппоненту в праве иметь собственную точку зрения, как и в праве протестовать против моей статьи, если он принял на свой счет — теперь вижу, что правильно принял, — мое замечание о «деятелях от науки», стремящихся отаджичить памирцев.

Выступление А. С. Давыдова лишний раз показало, что вопрос о населении Горно-Бадахшанской автономной области следовало поднять. А еще больше укрепило меня в этом мнении сопроводительное письмо к статье А. С. Давыдова в редакцию «Советской этнографии», подписанное директором Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Таджикской ССР Р. М. Масовым. Мне впервые довелось увидеть подкрепленный авторитетом официального бланка научного учреждения вердикт, отрицающий существование припамирских народов: «имеются данные, однозначно свидетельствующие о том, что это население является частью таджикского народа». Если это официальная точка зрения Института им. А. Дониша, то нетрудно представить, на какой теоретической основе будет строиться национально-культурное развитие ГБАО и в дальнейшем. Остается лишь выразить сожаление, что на прошедшей в Звенигороде конференции по проблемам этногенеза народов Средней Азии и Казахстана (ноябрь 1988 г.) этот вопрос не был специально обсужден, хотя и витал в воздухе. Оказывается, компромиссы в науке не столь уж безобидны.

Прежде чем приступить к разбору аргументов А. С. Давыдова, хочу сложить с себя необоснованно навязанные мне лавры изобретателя проблемы этнической принадлежности памирских народов. Впрочем, А. С. Давыдову должно быть хорошо известно, что я их не заслужил. Не является пионером и Л. Ф. Моногарова, о которой в данном случае оппонент почему-то забыл. Для экономии места сошлюсь лишь на одну публикацию, тем паче что я не считаю наилучшей формой научной дискуссии перестрелку цитатами. Имею в виду «Народы СССР. Краткий справочник» (М.; Л., 1958) под редакцией С. П. Толстова, П. И. Кушнера и П. Е. Терлецкого. В справочник включены данные о народах СССР по материалам Всесоюзной переписи населения 1939 г. Воспроизведу часть раздела VII «Иранская группа» с некоторыми купюрами, не влияющими — да поверит мне оппонент — на существо вопроса¹.

Таджики — 1229 тыс. чел. Самоназвание — таджик; язык — таджикский. *Шугнанцы* — 18,6 тыс. чел. Самоназвание — хугнона; язык — шугнанский и таджикский. *Хуфцы* — 1,0 тыс. чел. Самоназвание — хуфидж; язык — хуфшанский (диалект шугнанского) и таджикский. *Бартангцы* — 3,7 тыс. чел. Самоназвание — бартангидж; язык — бартангский (диалект шугнанского) и таджикский. *Хуфцы* — 1,0 тыс. чел. Самоназвание — хуфидж. Язык — хуфский и таджикский. *Баджуйцы* — 0,5 тыс. чел. Самоназвание — баджавидж; язык — шугнанский, рушанский и таджикский. *Ваханцы* — 4,5 тыс. чел. Самоназвание — вух; язык — ваханский и таджикский. *Ишкашимцы* — 2,2 тыс. чел. Самоназвание — ишкошуми; язык — ишкашимский и таджикский. *Язгулемцы* — 2,2 тыс. чел. Самоназвание — згамик; язык — язгулемский и таджикский.

Дальше в том же ряду перечислены другие ираноязычные народы: ягнобцы, белуджи, джемшиды, среднеазиатские евреи, осетины, талыши, курды, таты, горские евреи. Этнографические группы указаны особо. Таким образом, «открытие» народов ГБАО, стоящих на одном таксономическом уровне с таджиками, произошло задолго до моего рождения. Они фигурировали, в частности, в переписи населения 1939 г. — той самой, сведений о которой, как и материалов переписи 1959 г., А. С. Давыдову не удалось обнаружить. Есть они и в названном академическом справочнике, подготовленном, кстати, специально к переписи 1959 г., которая положила конец их «официальному» существованию, о чем я и писал в своей статье.

В связи с переписями населения А. С. Давыдов уличает меня в одном бездоказательном заявлении — будто бы начиная с переписи 1959 г. эти народы

исчезли из статистических сводок. Исчезли, утверждает оппонент, не народы (они ведь никогда и не фиксировались), а языки. Можно посочувствовать А. С. Давыдову в том, что он не знаком с названной выше публикацией и в результате оказался в несколько неловком положении. Но примечательно другое. Он считает, что языки могут существовать сами по себе, без народов — их носителей. Есть повод поздравить коллегу с развитием ультрадиффузионистской идеи Лео Фробениуса: «Культура растет сама по себе, без человека, без народа»². Этим, правда, идейное родство А. С. Давыдова с классиком мировой этнографии и ограничивается. Его концепция фактически отрицает значение для истории данного региона объективного существования чего бы то ни было: других этносов, их языков, культуры, за исключением таджикского языка и таджикского этноса.

А. С. Давыдов напоминает, что таджикский этнос сложился на базе народов, многие из которых говорили на восточноиранских языках. А происходило это следующим образом. В период после арабского завоевания восточноиранские языки «на этнической территории таджикского народа» были вытеснены — не совсем, правда, ясно, чем: то ли «персидским (таджикским)» языком, то ли «западноиранским языком, сложившимся на базе персидского». И здесь мы подходим к одному из фундаментальных положений концепции А. С. Давыдова. «Хотя ко времени завершения процесса формирования таджикского народа (IX—X вв.) таджикско-персидский язык и стал общенародным языком (языком литературы, государственного делопроизводства и т. д.), но разговорным — не сразу и не везде. До наших дней восточноиранские языки в качестве разговорных сохранились не только в верховьях Амударьи (ГБАО), но и в верховьях Зеравшана — в Ягнобе» (с. 17).

Итак, «общенародный» язык, по мнению А. С. Давыдова, — это язык литературы и делопроизводства, даже если он получил распространение «не везде», а родной разговорный язык — это, видимо, рудимент, хотя он и сохраняется, как в данном случае, еще около тысячи лет.

Чтобы уж наверняка сразить оппонента, А. С. Давыдов вводит в действие тяжелую артиллерию — работы признанных теоретиков современной отечественной этнографии. На это можно было бы заметить, что теория занимается обобщением эмпирических данных с целью познания законов развития, а не подменяет конкретные исследования ради достижения заданного результата. Правда, в нашем обществоведении зачастую делалось как раз наоборот, и А. С. Давыдов, похоже, прочно затвердил уроки прошлого.

Ссылаясь на В. И. Козлова, он указывает, что «при отсутствии единого разговорного языка признаком языковой общности народа служит наличие единого литературного языка» (с. 18). В контексте рассматриваемого вопроса получился небольшой логический фокус: памирцы являются частью таджикского народа в силу существования литературного таджикского языка, а он, в свою очередь, этнический для памирцев потому, что они образуют с таджиками один народ. Сомневаюсь, что В. И. Козлов согласится пойти в соавторы к А. С. Давыдову.

Попал в соучастники и Ю. В. Бромлей, отмечавший, что, «хотя язык и является важным этническим признаком, но не абсолютным» (цитирую А. С. Давыдова, см. с. 18). Точнее, Ю. В. Бромлей в том месте своей книги, на которое ссылается А. С. Давыдов, писал о недопустимости абсолютизации любой этнической черты, а не только языка³, но А. С. Давыдову важно скомпрометировать именно язык. Ему требуется доказать, что наличие у памирцев собственных языков не может служить основанием для их классификации в качестве самостоятельных этносов. При этом он начисто забывает о своих рассуждениях по поводу таджикского языка.

Что же получается? С одной стороны, разговорный язык этноса — это не его этнический язык; последним следует признать литературный язык. Поэтому восточноиранские языки памирцев не являются их этническими языками.

С другой стороны, А. С. Давыдов, явно не замечая противоречивости своей концепции, просто выводит язык из числа сущностных характеристик этноса, утверждая, что «основным признаком принадлежности к одному народу является этническое самосознание и самоназвание». Это утверждение он приписывает Ю. В. Бромлею, либо не поняв, либо фальсифицируя его мысль⁴. Не случайно, думаю, все ссылки на теоретиков этноса А. С. Давыдов дает в раскавыченном виде и весьма вольном, вульгаризированном изложении.

Путем подтасовок в теории А. С. Давыдов очень хочет, как видно, доказать, что восточноиранские народы были лишь сырьем для формирования таджикского этноса, что с выходом последнего на историческую арену в пределах его «этнической территории» (границы ее, кстати, А. С. Давыдов не определяет, и тоже, видимо, не случайно) не могли происходить никакие иные этнические процессы, кроме становления и развития таджикского этноса. А. С. Давыдов так уверен в убедительности своих построений, что соглашается не считать памирские языки диалектами таджикского, допускает возможность выведения их непосредственно из согдийского и бактрийского языков, не придает ни малейшего значения факту взаимонепонимости таджикского и памирских языков.

Остается только выяснить, каковы же критерии причисления памирцев к таджикам, если ни язык, ни культура (о ней автор практически ничего не говорит) в конечном счете не принимаются во внимание?

В обобщенном виде концепция моего оппонента — если я ее правильно понял — выглядит так. В далеком прошлом памирцы стали таджиками потому, что территория их расселения вошла в зону влияния таджикского языка — того самого «общенародного». Но упрямые «разговорные» языки почему-то сохранились до наших дней, и А. С. Давыдов формулирует новый постулат: язык не является признаком этноса. Отталкиваясь от искаженной им мысли Ю. В. Бромлея (см. выше), автор утверждает, что «главным и единственным основанием, доказательством принадлежности горнобадахшанцев к таджикскому народу может служить признание этого ими самими» (с. 18).

Готов допустить, что незнание законов формальной логики — это не вина, а беда А. С. Давыдова, и он не видит явной противоречивости собственных суждений. Но трудно понять настойчивость, с которой А. С. Давыдов публично искажает этнологическую теорию, одновременно высказывая к ней глубокий пиетет. Вопреки интерпретации А. С. Давыдова, в работах авторов, на которые он ссылается как на непререкаемую истину, отстаивается комплексное, а не монофакторное понимание этноса, а общность самосознания связывается с общностью культуры и языка. Возможно, А. С. Давыдов введен в заблуждение разработками, касающимися процессов редуцирования и латентизации этнической культуры в современном мире, феномена существования своеобразно сложившихся этносов с одной языковой основой (английской, испанской, португальской). К обсуждаемому вопросу эти разработки не имеют прямого отношения.

Абсолютизируя значение самосознания, А. С. Давыдов фактически ставит в зависимость от него само существование этноса и тем самым покидает материалистические позиции. Это его дело, но отечественная этнографическая наука, как, впрочем, и мировая, здесь ни при чем. Более того, А. С. Давыдов явно путает самосознание, самоназвание и вербализованную самоидентификацию.

Известно, что самоназвание опосредованно отражает, фиксирует самосознание. Известно также, что экстраполировать современные этнонимы на далекое историческое прошлое следует с величайшей осторожностью: первоначально они могли быть, чаще всего и были, топонимами, политонимами, конфессионимами и т. п. Это касается и термина «тоджик». Его распространение на сопредельные народы совсем не обязательно свидетельствовало об их автоматическом превращении в таджиков. Добавим к этому, что есть разница между эндо- и экзо-этнонимами (даже сегодня на Западе в обиходе нередко называют все население СССР русскими). Иными словами, существование и использование термина

далеко не всегда является сущностной характеристикой обозначаемого им объекта.

Соответственно и самоидентификация индивида (например, при переписи населения, при заполнении анкеты, в беседе с интервьюером) может отражать самосознание индивида опосредованно, а то и просто неадекватно. Последнее бывает в тех случаях, когда в данных конкретных условиях он вынужден или считает целесообразным указать не свою истинную национальную принадлежность, а какую-то другую. И такие случаи известны — их было немало именно в Средней Азии в недалеком прошлом, когда иноэтничное население в союзных республиках нередко испытывало определенные неудобства.

Наконец, этнографам хорошо известен феномен многозначности и иерархичности самосознания, когда индивид причисляет себя одновременно, например, к данному этносу, данному субэтносу, данной локальной или региональной общности, к данному государству. Этот феномен особенно характерен для народов, находящихся на стадии этнической консолидации или ассимиляции, для малых народов, ассоциированных с крупными этносами, для этнических групп, живущих в иноэтничном окружении. Так, индеец может определить себя следующим образом: кайюга — ирокез — индеец США — американец — индеец вообще — представитель коренного населения Америки — член сообщества коренных национальных меньшинств (так называемого «четвертого мира»), причем почти в любой последовательности. Житель ГБАО может определить себя так: шугнанец — таджик (или наоборот), шугнанец — памирец — таджик. Насколько мне известно, полевые исследования коллег чаще всего дают именно такие результаты.

Естественно, возникает задача отделения этнического самосознания от других видов самосознания и определения основного уровня этнического самосознания. Задача эта непростая, но решаемая. Думаю, основной уровень этнического самосознания должен совпадать с разговорным языком или языковой самоидентификацией. Например, если тот же шугнанец затрудняется однозначно определить свою национальную принадлежность, а в повседневной жизни пользуется шугнанским языком и считает его родным, то он, конечно же, шугнанец. Но если при этом типе языковой ориентации он считает себя не шугнанцем, а таджиком — пусть будет им. Это укажет на его личное этническое самоопределение, но не на отсутствие вообще или исчезновение шугнанского этноса. Задача исследователя состоит в том, чтобы суметь выявить тенденции этнического развития путем сопоставления процессов, происходящих в том числе и в этническом сознании людей.

А. С. Давыдов не ставит перед собой такую задачу. Он преследует единственную цель — доказать, что памирцы всегда были и остаются таджиками и никем иным они быть не могут. Он отрицает даже саму постановку вопроса о процессе ассимиляции памирцев как пути включения их в состав таджикского этноса — какая там ассимиляция, если они и так таджики!

Изыскания А. С. Давыдова в области самосознания памирцев сводятся лишь к одной операции — выделению его таджикского уровня. И делает он это хорошо известным способом — выборочным цитированием из сообщений путешественников и замечаний исследователей. Причем речь опять-таки идет лишь о самоназваниях, а зачастую просто о том, как называл памирцев тот или иной автор. Сообщения же, которые могут свидетельствовать против его точки зрения, А. С. Давыдов постарался обойти, хотя некоторые из них он, видимо, просмотрел (например, замечания А. Черкасова, А. А. Бобринского, Н. Г. Маллицкого).

Я опускаю некоторые детали из статьи моего оппонента: ссылку на постановление Ревкома Таджикской ССР и мнение юриста Л. М. Энтина как источники для изучения этногенеза и этнической принадлежности памирцев, неизвестно зачем предъявленный мне упрек в том, что я не упомянул о профессиональной принадлежности памирцев, и другие. Это все несущественно. Если я, по мнению А. С. Давыдова, искажаю частное и таким образом искажаю целое, то он посту-

пает наоборот, априори формулируя основной вывод и подгоняя под него все прочее. Детали, факты здесь не играют роли.

Еще об одном все же надо сказать. С «гордецами», которые, как утверждает А. С. Давыдов, являются моими основными информантами, я никогда не встречался, и поэтому не могу судить, насколько справедливо или несправедливо он их характеризует. Но сама постановка вопроса о недопустимости выдвижения людьми требований национального характера и причисления себя к данному этносу, а не к другому, выглядит довольно странно на фоне происходящих в стране изменений, политического курса на удовлетворение национально-культурных запросов всех без исключения народов.

И последнее. Чтобы окончательно прояснить для читателя свою позицию, я должен выразить несогласие с новейшей точкой зрения Л. Ф. Моногаровой, изложенной ею в статье «Припамирские народности», которая включена в справочник «Народы мира» (М., 1988). Дело даже не в том, что определение этих народностей как субэтнических групп таджиков не соответствует принятому в науке пониманию народности — этнической общности основного уровня. Сама концепция Л. Ф. Моногаровой представляется мне неудачным компромиссом. То, что эти народы захвачены процессом ассимиляции, еще не дает оснований считать их целиком подразделениями таджикского этноса. Пока хотя бы один шуганец или ваханец относит себя к своему народу, этот народ нельзя стирать с этнической карты страны. Никакие теоретические построения не дают нам право с олимпийских высот академической науки решать судьбу целых народов. При всем моем уважении к Л. Ф. Моногаровой, я не могу не отметить, что популяризация ее «субэтнической» интерпретации вопроса дает желающим шанс «отменить» припамирские народы уже на иной, гораздо более серьезной теоретической основе, нежели та, которую сконструировал А. С. Давыдов.

Примечания

¹ Народы СССР. Краткий справочник / Под ред. Толстова С. П., Кушнера П. И., Терleckого П. Е. М.; Л., 1958. С. 9—10.

² *Frobenius L.* Der Ursprung der Afrikanischen Kulturen. В., 1898. S. XIII.

³ *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии. М., 1981. С. 19.

⁴ На указанных А. С. Давыдовым страницах Ю. В. Бромлей писал об этническом самосознании как о необходимой, сущностной характеристике этноса, о том, что этноним — это внешнее выражение этнического самосознания у различных групп населения, о таком компоненте самосознания, как представления об общем происхождении. В частности, Ю. В. Бромлей отмечал: «Поэтому этнос представляет только та культурная общность людей, которая осознает себя как таковую, выделяя себя среди других аналогичных общностей» (*Ю. В. Бромлей.* Современные проблемы этнографии. С. 224). Надо иметь уж очень большую фантазию, чтобы все это перефразировать и изложить так, как сделал А. С. Давыдов.

Л. Ф. Моногарова

ПАМИРЦЫ — НАРОДНОСТИ ИЛИ СУБЭТНОСЫ ТАДЖИКОВ? (Ответ А. С. Давыдову)

Проблема этнонационального самосознания в этнической истории народов очень сложна. Наше время перестройки и гласности требует пристального внимания к этой проблеме и научного подхода к исследованиям характера межнациональных отношений.

Изучение этногенеза и этнической истории народов, населяющих различные регионы нашей страны, — одна из актуальных задач советской этнографической